

Это был аргумент, против которого невозможно возразить.

Фан Юань не нашёл, что ответить.

Цзян Хэн, видя его бесстрастное лицо, даже смутился:

— Я просто хотел проверить, как прозвучит эта фраза. Не собирался на самом деле ничего от тебя скрывать. Не сердись.

— Какая фраза? — недоуменно спросил Фан Юань.

— Ну... — Цзян Хэн прочистил горло. — Я однажды предотвратил апокалипсис и спас мир.

— М-м-м... — Фан Юань кивнул, серьёзно заметив. — Ты прав, великий герой Цзян Хэн. Ты совершил поистине великий подвиг.

Однако Цзян Хэн не выглядел особенно довольным. Напротив, он успокоился:

— Только вот об этом знаешь только ты. Остальные не поверят.

Фан Юань отставил пустую бутылку и посмотрел на дождь за окном.

— Если бы ты захотел...

Он вспомнил о пространственных способностях Цзян Хэна.

Вдруг пришла мысль: если бы у Цзян Хэна были более амбициозные планы, если бы он хотел не просто спасти мир, но и чтобы все запомнили его как героя, чтобы люди аплодировали и благодарили его... при его способностях это было бы возможно.

Достаточно было бы оставить несколько образцов зомби, не завершить работу до конца, дождаться, пока СМИ и весь мир узнают об угрозе, а затем...

Это было одной из причин, почему Фан Юань изначально относился к Цзян Хэну с осторожностью. Он слишком долго выживал в апокалипсисе и уже почти забыл, что такое чистое желание просто делать добро. С момента, когда он подтвердил личность Цзян Хэна, он не переставал гадать: каковы его истинные цели? Какую выгоду он хочет получить?

— Нет-нет, я и не думал об этом, — Цзян Хэн не дал ему договорить. — Так, как сейчас — это самый лучший вариант. Я могу спокойно сидеть у тебя дома. А если бы я стал великим героем, но оставался бы таким трусливым и безынициативным, меня бы только высмеяли.

И правда.

Фан Юань встал, взял ещё бутылку зелёного чая, открыл крышку. На этикетке красовался супергерой — мускулистый, бесстрашный, воплощавший все черты, которые люди обычно ассоциируют с героями.

А Цзян Хэн... На первый взгляд — самый обычный парень. Чтобы получить жильё, он буквально навязал себя незнакомцу, сам себя заселил к нему домой, и явно не собирался уходить. В нём было что-то такое, что просто просило трепки.

— Фан Юань, дай мне месяц, ладно? Через месяц я расскажу тебе настоящую причину, почему больше не будет появляться людей со способностями.

И ещё торгуется с будущим арендодателем, используя информацию как разменную монету.

Совсем не похоже на поведение великого героя.

Фан Юань опустил взгляд на тыльную сторону его руки. Татуировка там выглядела слишком яркой.

— Почему именно месяц?

— Ну, они же меня ищут, — многозначительно сказал Цзян Хэн. — Сейчас я главный подозреваемый в деле кражи трупов. В этом месяце опасность максимальная, мне нужно абсолютно безопасное место, чтобы переждать. Через месяц, думаю, всё успокоится.

Как же печально.

Фан Юань смутно пожалел этого горе-героя. Ведь он спас мир, но теперь вынужден скрываться под таким позорным обвинением. Если его поймают, это навсегда останется пятном на его репутации.

— Если через месяц я узнаю правду и всё же не позволю тебе остаться, это нормально?

Говоря это, Фан Юань уже не так сильно противился этому жильцу. В глубине души он думал не о том, как бы выгнать Цзян Хэна, а о том, что если они смогут ужиться, то в общем-то даже неплохо было иметь компанию.

— Вроде того, — Цзян Хэн не переставал жевать, доставая откуда-то чипсы. Фан Юань бросил на него взгляд, и тот вытащил из пространства целую пачку, поставив её на столик.

— Честно говоря, у меня действительно серьёзные проблемы. Я даже не могу нормально заснуть. Но через месяц, скорее всего, всё пройдёт.

Фан Юань не понял, о чём он. Какой ПТСР может длиться ровно месяц?

Цзян Хэн постучал себя по голове:

— Здесь. После перерождения моя память стала неполной, я забыл многое из прошлой жизни. Хорошая новость в том, что каждый раз, когда я хорошо высыпаюсь, я вспоминаю что-то новое.

— Так вот оно что? — Фан Юань слегка раскрыл глаза. — У меня такого нет.

— Ты всё помнишь? С самого начала апокалипсиса до момента перерождения?

— Конечно.

Просто... для Фан Юаня не имело значения, полная его память или нет. У него её и не было. Всё равно это были не его воспоминания.

Он опустил голову и усмехнулся:

— Я бы хотел забыть, как ты. Полностью.

— Я понимаю... — Цзян Хэн выглядел слегка виноватым, отводя взгляд. — Хотя я тоже завидую тебе. Если бы у меня не было провалов в памяти, я бы, наверное, не страдал от бессонницы из-за надуманных, непонятных симптомов.

— Ты думаешь, что восстановление памяти вылечит твой ПТСР?

— Да, так и сказал мне врач, — Цзян Хэн был в этом уверен. — У меня такое чувство, что когда я вспомню всё, я перестану беспричинно нервничать и тревожиться, смогу нормально спать.

Но с того момента, как он вошёл в эту крепость, ему стало уже намного лучше.

Возможно, это действительно последствия апокалипсиса, но даже после того, как он его предотвратил, симптомы не исчезли. Единственное, что могло его спасти, — это потерянные воспоминания.

Фан Юань на мгновение замолчал, будто слова Цзян Хэна пробудили в нём что-то.

Он вспомнил свой первый ужас при виде зомби, момент, когда инстинкт самосохранения сводил его с ума, бесконечный голод, холод, боль и кошмары.

Затем он достал телефон и прервал эти бесполезные воспоминания:

— Я принимаю твои условия. Один месяц. Ты можешь остаться.

Цзян Хэн восторженно раскинул руки, его глаза мгновенно засияли.

Фан Юань поднял ногу и толкнул столик, преграждая ему путь:

— Не подходи.

Плечи Цзян Хэна поникли.

— Как ты догадался, что я хотел броситься обниматься?

Фан Юань одарил его взглядом, словно бы говорящим «сам знаешь».

В крепости было много комнат, и все просторные, но большинство из них Фан Юань использовал для хранения припасов.

Однако теперь, когда появился Цзян Хэн, они быстро нашли подходящую комнату. Там хранились только постельные принадлежности и зимние вещи, которые Цзян Хэн переместил в своё пространство, а затем перенёс в другую комнату.

Фан Юань установил три правила: жить можно, припасами пользоваться — пожалуйста, но доходы от торговли делить пополам, нельзя шуметь, нельзя приводить посторонних и нельзя снимать крепость на видео или фото.

Цзян Хэн со всем согласился и с энтузиазмом начал перемещать из своего пространственного хранилища свои вещи: односпальную кровать, диван, шкаф, игровую приставку и прочее — моментальный переезд.

Фан Юань указал на беговую дорожку, гантели и другие тренажёры:

— Это можно ставить только на первом этаже.

— Есть! — отчеканил Цзян Хэн.

Спальня Фан Юаня находилась прямо напротив, что было очень удобно. По сравнению с жизнью во время апокалипсиса, когда часто приходилось ночевать где придётся, это были просто райские условия.

На самом деле ему было всё равно, появится ли у него сосед, особенно после того, как на следующее утро он проснулся от аромата еды, спустился вниз и увидел, как Цзян Хэн сервирует стол к завтраку.

Завтрак был обильным: свежее соевое молоко, каша, макароны, мясо, яйца и овощи.

Когда Фан Юань подошёл к столу, Цзян Хэн отодвинул для него стул.

— Не нужно так церемониться, и не надо стараться мне угодить, — Фан Юань не привык к такой заботе и махнул рукой, предлагая сесть. — Ты специально приготовил еду, я должен поблагодарить тебя.

— Тогда и тебе не стоит так церемонно благодарить меня, — Цзян Хэн, подражая ему, сел напротив. — В конце концов, ты мне правда нравишься.

— И я должен поблагодарить тебя за уничтожение зомби, — Фан Юань наклонил голову, взял стакан с соевым молоком, но не успел сделать глоток, как Цзян Хэн подал ему сахар. Он добавил немного в напиток, размешал ложкой, и тёплый пар обжёг ему щёки. — Я всегда буду помнить об этом.

Цзян Хэн смутился от его слов и даже хотел продолжить благодарить — за то, что тот помнит об этом, за то, что стал единственным в мире человеком, поверившим, что он уничтожил зомби.

Он никогда не гнался за пустой славой, но когда тебя принимают за сумасшедшего с манией величия — это действительно неприятно.

Теперь всё изменилось. Он нашёл Фан Юаня, и вся эта горечь растворилась без следа.

— Я прекрасно спал этой ночью, — Цзян Хэн нашёл тему для разговора, откусывая булочку с заварным кремом. — Дождь шёл всю ночь, так убаюкивающе. Я смотрел на решётки и электрическую ограду за твоим окном и заснул через несколько минут. А утром меня разбудило солнце.

— Я думал, раз уж ты приволок сюда беговую дорожку, то прихватил и шторы.

— Не люблю шторы, — покачал головой Цзян Хэн. — Видеть солнечный свет каждый день — настоящее счастье.

Фан Юань кивнул, соглашаясь.

Встретить солнце нового дня означало прожить ещё один день, не умереть во сне и не столкнуться с новой катастрофой. После перерождения он тоже полюбил солнечный свет.

— Знаешь, мне приснился очень длинный сон.

Цзян Хэн продолжал есть и говорить без умолку:

— Раньше я помнил только последние дни перед началом апокалипсиса, когда в жилых домах ещё прятались люди. Но прошлой ночью я вспомнил больше — вся память до пробуждения способностей вернулась ко мне.

— Понятно...

Фан Юань слегка нахмурился. Эта тема его не интересовала, и ему было всё равно, сколько именно вспомнил Цзян Хэн.

Он ненавидел вспоминать то время. Если бы Цзян Хэн не появился на пороге, возможно, он уже почти всё забыл бы. Ещё немного — и он смог бы убедить себя, что апокалипсис был лишь плодом его больного воображения.

Он приоткрыл рот, почти готовый прервать собеседника, но в последний момент сдержался.

Фан Юань видел — восстановление памяти явно радовало Цзян Хэна.

Пережив смерть и возрождение, Фан Юань не считал себя особенно ранимым. Есть вода, есть еда, есть крыша над головой — это уже хорошая жизнь. Болтливый квартирант, вечно говорящий на неприятные темы, — не такая уж большая беда.

Тем более, этот болтливый квартирант — настоящий герой.

— ...потом я встретил Ли Цзе. Его способности пробудились очень рано, огненн. Парень был горячий, мы полмесяца были напарниками, шли из города А в город Б, но по дороге нас разделила волна зомби, — с воодушевлением рассказывал Цзян Хэн. — Жаль, что воспоминания на этом обрываются. Надеюсь, когда через несколько дней вспомню больше, узнаю, что он благополучно добрался до города Б и ждал меня в убежище.

Фан Юань доел последний кусочек яйца и запил соевым молоком:

— Я всё.

— Так быстро? — Цзян Хэн удивился скорости, с которой тот управился с едой. — Эй, не уходи, посиди ещё, поболтаем.

Фан Юань поднял глаза, вопросительно глядя на него — о чём болтать?

— Когда всё только начиналось, — заговорил Цзян Хэн, — было ли что-то особенно яркое... о чём ты по-настоящему пожалел?

— Было, — неторопливо ответил Фан Юань. Его мысли унеслись далеко. Он смотрел на пустую тарелку перед собой, как когда-то смотрел на пустой контейнер для еды в день прихода апокалипсиса. — До того, как в моём городе появились зомби, дома лежал сэндвич с клубничной начинкой. Я откусил, решил, что невкусно, и выкинул.

— Не любишь клубнику? — уточнил Цзян Хэн.

— Не люблю, она была сделана из дешёвого суррогата, — ровно произнёс Фан Юань, будто чужую историю рассказывал. — Потом пришли зомби, и я начал жалеть. Не надо было выбрасывать тот сэндвич. Это сожаление преследовало меня очень, очень долго.

Цзян Хэн обошёл стол, сел рядом и положил руку ему на плечо:

— Ну что ты. Теперь у нас полно хлеба, да с любой начинкой, какой пожелаешь.

Фан Юань мягко отбил его руку, не дав обнять:

— А ты?

— Я? У меня нет особых сожалений... Но есть одно незабываемое воспоминание. — Цзян Хэн вздохнул с чувством. — Вчера вечером я вспомнил: в первый месяц апокалипсиса я однажды так обезумел от голода, что поймал и съел несколько крыс.

— Крыс? Насколько помню, крыса на вкус терпима, только мяса мало, — заметил Фан Юань.

— Вот именно, она же на удивление съедобна, — лицо Цзян Хэна скорчилось в мучительной гримасе. — А ведь раньше я был без ума от одного ларька с бараньими шашлычками, просто зависимость. Потом апокалипсис и думал, что никогда больше не смогу их поесть....

— Ты... хочешь сказать... — протянул Фан Юань.

— Представь, я зажарил крысу и... внезапно почувствовал ТОТ самый вкус! — Цзян Хэн зажал ладонями лицо. — Три года тосковал по тем шашлычкам, а нашёл их... в крысином мясе!

Выражение лица Фан Юаня тоже стало сложным. Он сочувственно похлопал Цзян Хэна по спине, желая утешить, но одновременно сдерживая смех:

— Соболезную.

Цзян Хэн, заметив, что тот наконец расслабился, перестал страдать о шашлыках. Он убрал руки от лица и улыбнулся ему.

Фан Юань впервые увидел его улыбку в профиль — немного озорную, с лукавым блеском в глазах. И снова накатило чувство узнавания, сильнее, чем все предыдущие разы.

Фан Юань замер.

— Я точно тебя где-то видел.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/13880/1223955>